

ПАНДЕМИЯ И ЭКОНОМИКА. ПОСТПАНДЕМИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

В 2020 г. мировое сообщество оказалось в условиях значительного количества рисков и неопределенностей. Из-за пандемии COVID-19 в мире произошли катастрофические изменения, поколебавшие уверенность людей в безопасности государств, экономической стабильности и возможностях медицины. Анализ различных научных и экономических информационных источников и мнений ведущих экономистов позволил сделать вывод об отсутствии единого глобального подхода к изучению особенностей повторяющихся эпидемий, их экономических последствий и необходимости создания единой базы, аккумулирующей информацию о потенциальных областях риска для экономики в критических ситуациях и содержащей рекомендации о возможностях предотвращения рисков или их минимизации.

Ключевые слова: коронавирус; эпидемии; экономика; риски; здравоохранение.

Т.П. Лепя

PANDEMIC AND ECONOMY. POSTPANDEMIC ECONOMY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

In 2020, the world community was faced with a significant number of risks and uncertainties. Due to the coronavirus pandemic (COVID-19), catastrophic changes have occurred in the world, shaking people's confidence in the security of states, economic stability and the possibilities of medicine. The analysis of various scientific and economic information sources and the opinions of leading economists concluded that there was no unified global approach to studying the characteristics of recurrent epidemics, their economic consequences and the need to create a single base that accumulates information on potential areas of risk for the economy in critical situations and contains recommendations on the possibility of preventing risks or minimizing them.

Keywords: coronavirus; epidemics; economy; risks; health care.

Современное общество и глобальная экономика столкнулись со множеством проблем, не последней из которых стала пандемия COVID-19, вызвавшая крупнейший экономический кризис, присущий рыночной системе хозяйствования [5, с. 6] и привнесшая непредсказуемые события в привычный ритм жизни людей, спровоцировавшая непонимание и панику, поселившая неуверенность в будущем и изменившая в целом ход развития мирового сообщества.

Человечество на протяжении своей истории неоднократно сталкивалось с различного рода вспышками инфекционных заболеваний, но далеко не все они получали статус пандемии, т.е. болезни, которая распространялась на весь мир и меняла экономическое и цивилизационное развитие.

Первой известной историкам эпидемией стала эпидемия чумы Антонина (или Галена) в 160–180 гг. н.э., в результате которой погибло 5 млн чел. и завершился золотой век Римской империи. Юстинианова чума, разразившаяся в 541–542 гг. н.э. в Европе, унесла жизни до 100 млн чел. и катастрофически ослабила экономику Византии.

Эпидемия бубонной чумы, или «черная смерть», прокатилась по восточным странам (Китай, Индия, страны Центральной Азии) с 1320 г., а затем по Европе в период с 1338 по 1353 г., уничтожив до 200 млн жителей. Резкое уменьшение численности населения изменило структуру экономики, увеличив составляющую скотоводства относительно земледелия, снизив потребности в продовольствии, и, как положительный результат, существенное развитие получила механика. Усилилась инфляция, изменились законы в сторону ужесточения и увеличения сбора налогов. Финансовые приоритеты получили выжившие, имущество которых пополнилось за счет погибших. Так формировались новые династии купцов и банкиров.

Человечество, неоднократно проходя через различные эпидемии, обрело некоторый опыт в организации борьбы с негативными явлениями, порождаемыми этими заболеваниями. Более 100 лет назад, в 1918 г., мировой карантин, вызванный смертоносным гриппом «испанка», унес жизни от 50 до 100 млн чел., при этом каждый третий житель мира попал в разряд переболевших.

Анализируя воздействия «испанки» на мировую экономику, американский экономист Томас Гарретт утверждал, что торговля снизилась с 40 до 70 %. А единственный, кто оказался в выигрыше, – это производители лекарств и фармацевты. Мировой ВВП упал на 6,6 %. Исследователи из Гарварда определили «испанку» как экономическую катастрофу, сравнимую по последствиям с Первой и Второй мировыми войнами и с Великой депрессией.

Аналогично современным мерам против COVID-19 в 1918 г. были введены меры самоизоляции, ограничения физических контактов, повышения требований к уровню гигиены, а также закрытие торговых и производственных площадок, учебных и развлекательных учреждений. Как результат, те страны, которые ввели более жесткие меры, поступившись падением уровня экономики, оказались в выигрышном положении, так как по окончании эпидемии восстановление их экономик оказалось более быстрым.

В течение XX и XXI вв. мировое сообщество еще неоднократно подвергалось инфекционным эпидемиям, наиболее разрушительные из них:

1. Азиатский и гонконгский грипп, разразившийся в 1957–1968 гг., принес 2 млн жертв в Китае, США, Индии, странах Европы, Австралии и Филиппин и иных странах мира, причем заболело большое количество детей.

2. Лихорадка Эбола, начавшаяся в Гвинее и Либерии в 2013 г. и продолжившаяся два года, распространилась по всей Западной Африке, Испании, США. Смертность от лихорадки достигала 50–90 % от количества зараженных. Для минимизации контактов были прекращены авиаперелеты и внешнеэкономические торговые связи, закрылись границы со странами, в которых было выявлено заболевание.

Лихорадка нанесла непоправимый ущерб слабым экономикам западноафриканских стран. Так, из-за вируса Гвинея потеряла около 2 млрд дол. США, или почти треть ВВП. А в Либерии торговый рынок потерял 50–75 % оборота, что привело к продовольственному дефициту и росту цен на 40 %. Цены на продовольствие выросли и в иных странах Западной Африки. Финансовые убытки понесли и авиакомпании по всему миру, обеспечивавшие перевозку туристов на Африканский континент. Финансовым потерям и банкротству подверглись те компании, которые занимались горнорудным бизнесом в Африке.

В 2016 г. на Петербургском МЭФ представитель ВОЗ Б. Эйлвард заявил, что «инфекционные заболевания – это самые крупные и неуправляемые риски для экономики и бизнеса».

3. ВИЧ-инфекция (СПИД), появившаяся в 1920 г. в Конго, к 1970 г. пришла в США. За этот период по настоящее время от вируса в мире умерло 32 млн чел. В современной России официально зарегистрировано более миллиона зараженных, которых полностью вылечить медицина не в состоянии.

4. Первый вид коронавируса под названием SARS мир получил в 2003 г., он был зафиксирован в Китае, а затем более чем в 30 странах. Летальность вируса была примерно такой же, как у COVID-19: умирал один из десяти заболевших, всего умерло порядка 900 чел.

Наибольшим негативный экономический эффект от эпидемии стал для Китая, но так как при этом рушились внешнеторговые и хозяйственные связи, то пострадали сферы туризма и транспортных услуг, фондовые и сырьевые рынки во всем мире. Упал спрос на сырьевые ресурсы. Азиатский банк развития оценил финансовые потери мировой экономики от SARS почти в 60 млрд дол. США.

Учитывая негативные экономические последствия, Всемирный банк начал ежегодно выпускать доклады о возможных новых эпидемиях с целью подготовиться и предвосхитить возможные катастрофы.

5. Эпидемия птичьего гриппа, возникшая в Гонконге в 1997 г., потребовала решительных мер по уничтожению домашней птицы, в результате чего во многих странах пострадали отрасли животноводства, сельского хозяйства, пищевой промышленности, торговли и туристическая индустрия. Новая вспышка птичьего гриппа, пришедшая из стран Азии в 2005 г., к 2009 г. задела страны Западной Европы, США, Мексику и некоторые районы России.

6. Вирус «мексиканки», или свиного гриппа, начал распространяться из Мехико в 2009 г., достигнув стран Европы. Его распространение получило статус пандемии. Жертвами этого вируса стали приблизительно 2 тыс. чел., т.е. каждый сотый из заболевших, что мало соответствует признакам пандемии.

Но экономический ущерб птичий грипп нанес существенный. Только для Мексики это стоило около 0,5 % ВВП, а мировая туристическая индустрия потеряла 2,2 млрд дол. США, снизились доходы в транспортной сфере, и, как результат, цены на топливо и нефтепродукты упали до 15 %. При этом рекордно выросли доходы фармацевтических компаний – до 10 млрд дол.

Пандемии всегда вызывают либо обостряют экономические кризисы, замедляя процессы производства и торговли, снижая спрос на услуги, развлечения и

товары, уменьшая потребности в туристическом бизнесе и, как следствие, увеличивая потери в области логистики (из-за закрытия границ, прекращения международного, а иногда и межрегионального авиа-, водного и железнодорожного сообщения), обрушивая спрос на энергоносители и иные ресурсы. На приближение экономического кризиса, усиление депрессивных, дефляционных явлений в мировой экономике [3, с. 61] последние несколько лет указывали изменения в политике центральных банков, проблемы на фондовых рынках, в сырьевых отраслях.

Предпринимаемые государствами меры против пандемии, направленные на снижение уровня кризисных явлений, частично позволили смягчить негативные явления в глобальной экономике. Чтобы сгладить пик заболевания, большинство стран, пострадавших от COVID-19, ввело карантинные меры, которые позволили снизить уровень смертности, при этом, с одной стороны, нанесли серьезный ущерб экономике с остановкой деятельности отдельных ее секторов при наличии риска полностью их разрушить, а с другой стороны, несколько замедлили резкое падение экономики. Принятие такого решения было обусловлено отсутствием знаний о природе данного вируса и вакцины, необходимой для победы над ним, также отсутствием достаточного количества аппаратов ИВЛ и специально подготовленных медицинских учреждений и реанимационных коек.

Некоторые страны (Беларусь, Швеция) отказались приостанавливать работу бизнеса в надежде сохранить экономический и человеческий потенциал, ограничившись соблюдением правил социального дистанцирования.

Учитывая предыдущий опыт, а также уровень современного здравоохранения, политические деятели в сегодняшней ситуации ищут баланс между спасением жизней людей и сохранением мировой экономики [4, с. 177], отдавая приоритет спасению людей. Эти две задачи не противоречат друг другу, так как охрана здоровья людей позволит в будущем ускорить восстановление экономической активности.

Исходя из опыта столетней давности можно сделать вывод, что своевременно введенные карантинные меры позволяют не только сохранить больше человеческих жизней, но и в перспективе снизить возможные негативные последствия пандемии в экономической области. Ученые утверждают, что даже при разнице в десять дней по срокам введения карантинных мер будет получен выигрыш либо проигрыш в занятости в промышленной сфере в постэпидемический период около 5 %. Насколько масштабно будет падение экономики после окончания пандемии (COVID-19), невозможно предсказать, но эпидемия 1918 г. только в США сократила промышленное производство почти на 18 %, даже несмотря на введенные в стране жесткие карантинные меры.

Несмотря на обещанную Международным валютным фондом и Всемирным банком помощь в виде дополнительных средств порядка 62 млрд дол. США на борьбу с последствиями коронавируса, ведущие экономические аналитики Института международных финансов предрекают, что мировая экономика в этом году рекордно замедлится относительно последних 12 лет с 2,6 до 1,0 %, при этом финансовые потери мирового ВВП в конце 2020 г. могут увеличиться до 1 трлн дол.

В декабре 2019 г. китайские власти сообщили об очаге распространения на территории страны неизвестной респираторной инфекции – нового вида коронавируса. На территории КНР были введены ограничительные меры: закрывались предприятия и организации, запрещался выезд за пределы городов и регионов, что повлекло резкое снижение бизнес-активности вплоть до стагнации. Согласно данным аналитического агентства Caixin, к февралю 2020 г. индекс PMI в сфере услуг достиг 26,5 пункта, а в промышленной отрасли – 40,3 пункта. Под воздействием введенных из-за коронавируса ограничений в первом квартале 2020 г. ВВП КНР снизился на 6,8 % в годовом выражении, но во втором квартале экономика выросла на 3,2 %, а потребительский сектор, на который приходится 55 % ВВП Китая, упал на 3,9 % из-за снижения платежеспособности граждан. Пандемия продолжает оказывать негативное влияние на динамику экономического развития [9, с. 105] и экономическую политику Китая, так как для достижения роста экономики на 2,5 % до конца 2020 г. власти должны снизить расходы, чтобы предотвратить увеличение дефицита, но тогда в стране нельзя будет создать запланированные рабочие места, что негативно скажется на макроэкономической стабильности Китая.

Значительное падение производства и экспорта из Китая в связи с пандемией вызвало многомиллиардные убытки у партнеров Поднебесной, в первую очередь у США, стран Евросоюза, США, Японии и Южной Кореи.

Специалисты Конференции ООН по торговле и развитию (далее – ЮНКТАД) определили, что мировая экономика уже потеряла порядка 50 млрд дол. США от введения администрациями стран ограничительных и карантинных мер.

Россия, являясь участницей международных экономических отношений, на равных условиях подвергается глобальным дисбалансам, усугубляемым структурными проблемами в национальной экономике и международной финансовой системе [13, с. 14]. По данным аналитиков ЮНКТАД, эпидемия коронавируса отразилась на экономике и финансовых потерях России несущественно, в основном через ухудшение ситуации в иных странах и из-за снижения внешнеэкономической активности и транспортных связей. Зампредседателя ЦБ РФ Юдаева утверждает, что ситуация в российской экономике достаточно стабильна, чему способствовала долгосрочная стратегия ЦБ РФ по активной покупке золота для своих резервов в последние годы. Золото рассматривается как защитный актив во время любого кризиса, притом что с 2011 г. шел постоянный рост его цены, и с начала 2020 г. она выросла на 25 % к доллару и на 45 % к рублю. На 1 июля 2020 г. золотовалютные резервы России составили 569 млрд дол. Для поддержания российской экономики ЦБ РФ периодически снижал учетную ставку рефинансирования, последнее наиболее серьезное снижение – до 4,25 %.

Несмотря на заверения представителей ЦБ РФ об относительной стабильности российской экономики, очевидно, что введенные ограничения в связи с пандемией коронавируса в России с каждым месяцем заметнее отражаются на состоянии экономики. В результате первой волны коронавируса ВВП заметно снизился (во втором квартале 2020 г. – на 9,5–10,0 %) из-за всеобщего запрета на выход из дома в течение более месяца, и, как результат, произошло банкротство

тысяч предприятий, снижение доходов бюджета, рост безработицы до восьмилетнего минимума, падение уровня жизни и покупательной способности населения из-за потраченных во время карантина сбережений и падения зарплат.

Зафиксирован естественный рост недовольства людей и появление протестов, забастовок и политических демонстраций в различных регионах страны. В результате руководство страны вынуждено отказываться от ранее объявленных экономических многомиллиардных проектов и поднимать налоги: с 1 января 2021 г. доходы в размере более 60 тыс. евро в год будут облагаться налогом в размере 15 % вместо единой ставки 13 %. К 2025 г., согласно предлагаемой Министерством финансов приватизации, от 1,6 с лишним тысяч концернов с государственным участием должен остаться лишь 961. Запланирована продажа крупных инфраструктурных объектов, в частности портов. А долевое участие государства во многих предприятиях составит до 50 %: в РЖД, «Транснефти», «Росспиртпроме», ВТБ.

Но даже при вышеуказанных предпринимаемых властью шагах очевидно резкое сокращение федерального бюджета, что может повлечь его крупнейший дефицит на фоне последних лет его профицита, чему также способствовало критическое падение цены и спроса на российские нефть и газ. Данные события повлекут за собой также и парализацию развития как малого, так и среднего бизнеса [7, с. 800], увеличение безработицы, усиление неравенства и бедности [12, с. 66]. Снижение уровня жизни населения чревато изменениями в социальной сфере вплоть до роста преступности и социальной напряженности, увеличения уровня депрессий, психических заболеваний, самоубийств, усиления нагрузки на бюджет из-за необходимости поддерживать наиболее пострадавших в период кризиса людей при условии падения объемов налоговых поступлений и не снижающихся величинах оттока капитала [6, с. 30] за рубеж, финансовых спекуляций и потерь от высокой степени бюрократизации и криминализации экономики [1, с. 6], а также роста числа иных экономических преступлений и т.д. Проблемы в российской экономике усугубляются инфляцией, нестабильностью банковского сектора, резким падением рубля. Глава Счетной палаты А. Кудрин признал застой в российской экономике и предложил реформировать госсектор, вдвое уменьшить регуляторную нагрузку на бизнес и создать на региональном уровне крупные экономические агломерации.

С целью преодоления кризиса российской экономики Правительство РФ внесло предложение более чем по 500 мерам для поддержки различных отраслей экономики в общенациональный план, на что запланировано потратить 5 трлн р. Премьер-министр Мишустин провозглашает необходимость устойчивой траектории экономического роста, увеличения реальных доходов граждан (рост реальных зарплат не менее 2,5 %; безработица до отметки 5 %; рост инвестиций не менее чем на 4,5 % в год) путем использования современных технологий, внедрения инновационных механизмов [8, с. 66], развития цифровой среды, дополнительных возможностей рынка труда и образования, поддержки рынка недвижимости.

Эксперты ВЭО на 26-й экспертной сессии Координационного клуба на первое место в рейтинге мер, необходимых для избегания рецессии российской

экономики, поставили необходимость восстановления обрушившегося спроса. Проблема для российской власти – это ее неспешные и недостаточно решительные шаги в этом направлении. Ставка власти на выдачу кредитов и льгот бизнесу как реальной помощи также выглядит неубедительно, так как из-за серьезного падения доходов возвращать эту помощь бизнесу будет нечем. Представляется необходимым присмотреться к опыту зарубежных стран – помощь бизнесу через компенсации и субсидии, а также для населения – раздача денег. Кроме того, российские власти вводят списки наиболее пострадавших системообразующих предприятий, которым государство окажет помощь, в то время как зарубежные страны делают упор на обширность антикризисной программы – для всех бизнесов и людей, справедливо полагая, что адресность и точность оказания помощи чревата бюрократизацией, удорожанием и затягиванием времени, что, соответственно, приведет к многочисленным банкротствам и росту безработицы.

По мнению директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Б. Порфирьева, первоочередной акцент необходимо сделать на таких нацпроектах, как «Цифровая экономика» и «Здравоохранение», «Медицинская наука», которые позволят в будущем снизить риски для общества и экономики, в том числе в случаях эпидемий.

Руководитель Финансового университета при Правительстве РФ Д. Сорокин делает серьезный акцент на том, что на данный момент очевидна необходимость структурной перестройки, а не просто выхода из кризиса, так как при сохранении прежней традиционной модели [11, с. 13] экспортно ориентированной экономики с преобладающим удельным весом в экспорте ресурсов при их стремительном обесценивании на внешнем рынке экономика РФ останется в зоне высокого риска.

Анализ ситуации в мире, сложившейся в связи с пандемией коронавируса, высветил еще одну очень серьезную глобальную проблему – отсутствие на мировом уровне комплексных систем управления рисками, на основе которых можно было бы идентифицировать риск [2, с. 111], просчитать уровень возможного риска при периодически повторяющихся эпидемиях и осуществить в рискованных ситуациях научное прогнозирование социально-экономического развития [10, с. 67] и в какой-то мере предвосхитить и минимизировать возможные человеческие и экономические потери.

Список использованной литературы

1. Винокуров М.А. Российская экономика: необходимость модернизации и инновационного развития / М.А. Винокуров, А.П. Суходолов // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2009. – № 6 (68). – С. 5–13.
2. Головин А.О. Риск-менеджмент в глобальных цепочках стоимости / А.О. Головин, Г.Л. Толкаченко // Финансы и кредит. – 2018. – № 4. – С. 111–123.
3. Гринин Л.Е. О приближающемся кризисе в мировой экономике / Л.Е. Гринин, А.В. Каратаев // Историческая психология и социология истории. – 2016. – Т. 9, № 2. – С. 51–66.

4. Дмитриева А.Д. Экономические последствия эпидемии COVID-19 / А.Д. Дмитриева // Молодой ученый. – 2020. – № 24 (314). – С. 174–177.
5. Добрынин А.И. Мировой экономический кризис и трансформация рыночной модели хозяйства / А.И. Добрынин, Г.П. Журавлева // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2010. – № 6 (74). – С. 5–15.
6. Иванов О.Б. Глобальные риски и экономические тенденции в современном мире / О.Б. Иванов // Экономическая теория, анализ, практика. – 2014. – № 1. – С. 19–33.
7. Киргизова Н.П. Анализ факторов экономического кризиса 2020 года / Н.П. Киргизова // StudNet. – 2020. – № 9. – С. 799–804.
8. Крицкая О.А. Актуальные проблемы региональной экономики в условиях вступления в ВТО / О.А. Крицкая, Е.В. Харченко // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 6 (92). – С. 66–73.
9. Курушина Е.В. О закономерностях экономической динамики в период кризиса / Е.В. Курушина // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 2 (50). – С. 105–109.
10. Самаруха А.В. Методологический подход к прогнозированию условиях усиления кризисных явлений / А.В. Самаруха // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2009. – № 1(63). – С. 67–71.
11. Трофимов Е.А. Влияние территориального неравенства на экономический рост национального хозяйства / Е.А. Трофимов, Б.М. Рахаев, К.А. Калабекова // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2014. – № 3 (95). – С. 12–19.
12. Улаан Ч. Проблемы устойчивого инклюзивного роста мировой экономики / Ч. Улаан // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2016. – Т. 26, № 1. – С. 66–72.
13. Холопов А.В. Глобальные дисбалансы в мировой экономике / А.В. Холопов // Международные экономические отношения: реалии, вызовы и перспективы / под ред. Л.С. Ревенко. – Москва : МГИМО-Университет, 2019. – С. 14–23.

Информация об авторе

Лепя Татьяна Павловна – старший преподаватель, кафедра предпринимательского и финансового права, Институт государства и права, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: 777taliana777@rambler.ru.

Author

Lepya, Tatiana P. – Senior Lecturer, Department of Business and Financial Law, Institute of State and Law, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: 777taliana777@rambler.ru.